

Отборочный этап завершился. Машины передали механикам клуба на обслуживание, а гонщики воспользовались паузой, чтобы немного передохнуть.

Спустя час начались квалификационные заезды.

Солнце уже скрылось за горизонтом, небо потемнело. Трассу освещали десятки мощных прожекторов. Видимость ночью, конечно, была хуже, чем днем, но для гонщиков, привыкших к уличным заездам, это не составляло особого труда — требовалась лишь повышенная осторожность.

В квалификации из нескольких десятков пилотов должны были отобрать шестнадцать лучших для финала. Пары составлялись согласно результатам отборочного этапа: первый соревновался с двадцать вторым, второй — с двадцать первым и так далее. Победитель проходил дальше, проигравший выбывал.

— Мэн Цзиньчэнь, ты что творишь? — Юань Чи, получив список пар, опешил. Он вихрем подлетел к Цзиньчэню, грубо развернул его за плечо и, полный удивления и недоумения, выпалил: — Как ты умудрился скатиться на двадцать второе место? Ты что, собрался соревноваться с Ланьтином?

Он и не подозревал, что неподалеку кипел от ярости еще один человек — Ху Сяо. Тот яростно тыкал пальцем в пустоту, негодуя, что Шэнь Ланьтин якобы намеренно подстроил заезд с товарищем по команде, чтобы не встречаться с ним самим, и продолжал сыпать обвинениями.

Но вернемся к делу.

Мэн Цзиньчэнь застегнул комбинезон и, неторопливо поправляя экипировку, равнодушно ответил:

— Ошибся на последнем круге, вот и откатился назад.

— Да твою ж... — Юань Чи хотел было выругаться, но, украдкой взглянув на Шэнь Ланьтина, стоявшего всего в пяти метрах, понизил голос: — Ты же не специально это сделал? Ты хоть понимаешь, что если проиграешь сейчас, то вылетишь из финала?

Юань Чи вздохнул, похлопал его по плечу и добавил с нажимом:

— Брат, в ваши отношения с Толстяком я лезть не могу. Я не то чтобы не пытался за тебя заступиться — сделал все, что мог. Дальше выкручивайся сам.

Сказав это, Юань Чи подхватил шлем и отошел. Проходя мимо Шэнь Ланьтина, они обменялись ободряющим жестом, хлопнув друг друга по ладоням.

Юань Чи был другого мнения. Он холодно посмотрел на Цзиньчэня и прошептал:

— Цзиньчэнь, хитрость тебя же и погубит. Ты должен знать характер Ланьтина. Он относится к гонкам очень серьезно и терпеть не может таких, как ты, кто играет с этим в поддавки. Ты буквально пляшешь на его минном поле.

Мэн Цзиньчэнь пропустил эти слова мимо ушей. Его взгляд был прикован к Шэнь Ланьтину. Он тоже направился к нему и, глядя в широкую спину мужчины, вспомнил, как когда-то обнимал его со спины. Это чувство казалось далеким, как в прошлой жизни — одновременно знакомым и чужим. Поколебавшись пару секунд, он произвел:

— Ланьтин.

Шэнь Ланьтин не отреагировал, даже не удостоил его взглядом. Он взял шлем и направился к выходу, своей спиной давая понять: увидимся на трассе.

Услышав свое имя, Шэнь Ланьтин обернулся. Он не спеша надел спортивные часы, затем перчатки. Его красивое лицо оставалось бесстрастным.

— Что-то нужно?

— Неужели нельзя просто поговорить, если ничего не нужно? — Мэн Цзиньчэнь сжал кулаки, затем медленно разжал их и выдавил примирительную улыбку: — Я хотел попросить: будь снисходителен.

Услышав это, Цзиньчэнь, надевавший перчатки, замер, его глаза потемнели.

— Может быть, — Мэн Цзиньчэнь не обратил на это внимания. В его глазах был только этот человек. Разве важно, кто победит, если есть шанс сразиться с ним на трассе?

Он сосредоточился на повороте, вцепившись в руль. Слушая рев мотора, он краем глаза следил за флагом в руках судьи.

Надев защитные очки, он бросил взгляд на соперника. Мэн Цзиньчэнь как раз смотрел на него. Через стекла машин он показал ему жест.

Когда-то между ними действительно было много хорошего: они вместе трудились, вместе переживали неудачи и вместе стояли на высшей ступени пьедестала, поднимая кубок чемпиона. Увы, все это превратилось в дым.

Они часто гоняли вместе — и на профессиональных треках, и на частных улицах. Они всегда были неразлучны, и этот жест Шэнь Ланьтин знал прекрасно: они всегда подбадривали друг друга перед стартом.

Перед входом в поворот Шэнь Ланьтин визуально оценил точку входа в занос. Он резко нажал на тормоз, не отпуская газ, и машина послушно ушла в управляемый занос.

Его действия были на две секунды быстрее, чем у соперника. Когда он развернул машину, их капоты оказались почти вплотную, и их взгляды невольно встретились.

По сигналу судьи обе машины исчезли, словно порыв ветра.

Квалификация сильно отличалась от отборочного заезда. Помимо скорости, угла дрифта, траектории и способности пускать дым, судьи оценивали дистанцию между соперниками, чистоту прохождения и технику преследования. Использовалась десятибалльная система: базовый рейтинг составлял 11 баллов, к которым добавлялись очки за мастерство.

Шэнь Ланьтин никогда не оглядывался назад. Он гонщик, он всегда мчится вперед. Если кто-то не поспевает за его скоростью, остается только сказать прощай.

Поцеловав сына, Шэнь Ланьтин сел в машину. В этот раз он выехал не на своей любимице, а на профессиональном болиде, модифицированном командой. Но даже здесь он сохранил свой вызывающий стиль: ярко-красный цвет с белыми вставками и серебристо-синим отливом — машина приковывала взгляды с первого же появления.

Хотя это был лишь развлекательный заезд, Мэн Цзиньчэнь, став соперником Шэнь Ланьтина, не мог не нервничать. Но еще больше он был возбужден.

Внутри даже зародилось некое безумное чувство. Ему хотелось вдавить педаль газа в пол и рвануть прямо на Шэнь Ланьтина. Нарушения, штрафы — все это было неважно. Лучше было бы протаранить его, чтобы время навсегда замерло в этот миг.

Лицо мужчины изменилось, в глазах вспыхнул странный блеск. Он резко выкрутил руль, пытаясь угнаться за Шэнь Ланьтином. Но как раз когда он был готов совершить маневр, ему показалось, что сквозь лобовое стекло он видит взгляд Шэнь Ланьтина.

В свете прожекторов глаза Шэнь Ланьтина сияли еще ярче, в них читалась дерзкая уверенность, обладавшая почти магической силой.

Прежде чем Цзиньчэнь успел окончательно потерять рассудок, Шэнь Ланьтин собрался, резко крутанул руль и, дернув ручной тормоз в самом повороте, исполнил безупречный дрифт.

Более того, его хладнокровие лишь подчеркнуло безумие Мэн Цзиньчэня. Последний постоянно отставал на две секунды, а при входе в поворот совершил ошибку: машину занесло, она врезалась в ограждение, и по воздуху разнесся пронзительный визг резины.

Судьи, наблюдавшие за заездом, лишь качали головами.

Борьба на трассе была ожесточенной. Зрители, пусть их было и немного, кричали так, что трибуны дрожали.

Но для Мэн Цзиньчэня все это не имело значения. Его бесила лишь холодность Шэнь Ланьтина. Тот не оставлял ни малейшего шанса на примирение, просто отшвырнув его, как сумасшедшего.

На втором круге Шэнь Ланьтин практически повторил свой безупречный дрифт, еще больше увеличив отрыв.

Заезд завершился. Шэнь Ланьтин первым вернулся на старт, закончив гонку идеальным дрифтом.

Его мир был надежным и стабильным, а сам он, мчащийся по трассе, всегда оставался ослепительным.

Как только он вышел из машины, его окружили ликующие товарищи по команде. Больше всех радовался Бэньбэнь, который, сидя на руках у Толстяка, хлопал в ладоши и радостно кричал: Папа!

Шэнь Ланьтин снял шлем, прижал его к груди и уже хотел подойти к сыну, как вдруг услышал свое имя:

— Ланьтин!

Он вскинул бровь и обернулся. Его встретил почти маниакальный взгляд Мэн Цзиньчэня. В глазах последнего бурлил коктейль из эмоций: возбуждение, печаль, одержимость, сдержанность — все было невероятно сложно.

Мэн Цзиньчэнь подошел к нему:

— Отличный дрифт. Просто потрясающе! Ты был великолепен.

Шэнь Ланьтин остался бесстрастен. Видно было, что он не желает общаться, и он дернул запястьем, собираясь уйти.

Неожиданно Мэн Цзиньчэнь оказался прямо перед ним. Расстояние сократилось до предела — их дыхание смешалось. Лицо Шэнь Ланьтина при ближайшем рассмотрении было безупречным: идеальные черты, совершенные пропорции. Даже сейчас, когда он хмурился, это выглядело так красиво, что захватывало дух.

Мэн Цзиньчэнь поддался порыву. Тоска и желание, копившиеся долгие дни, вырвались наружу. Он положил руку на щеку мужчины и подался вперед, намереваясь поцеловать его.

Этот поступок, граничащий с безумием, ошеломил всех присутствующих. Рты у всех раскрылись от изумления: гонки гонками, но такого сюрприза никто не ожидал.

Сюй Тэнхай вскрикнул:

— Мамочки! — и поспешно закрыл Бэньбэню глаза, бормоча, как заклинание: — Детям такое видеть нельзя, детям нельзя...

В тот момент, когда Мэн Цзиньчэнь почти коснулся желанных губ, в его запястье пронзила острая боль. Шэнь Ланьтин мертвой хваткой вцепился в его руку, в его глазах вспыхнула ярость.

— А-а! — Мэн Цзиньчэнь невольно вскрикнул, чувствуя, что запястье вот-вот хрустнет.

Но это было не все. Шэнь Ланьтин недовольно прищурился и, сжав кулак, без тени жалости врезал ему прямо по лицу.

— Угх... — Мэн Цзиньчэнь, прикрыв нос, отшатнулся и осел на землю.

Тут началось настоящее веселье. Естественно, вокруг мгновенно собралась толпа зевак, загудели голоса.

Прибежала охрана. Кто-то попытался помочь Мэн Цзиньчэню подняться, но тот отстранился. Он встал сам, улыбаясь, и, не обращая внимания на кровь, текущую из носа, продолжал смотреть на Шэнь Ланьтина:

— Все нормально, мы с детства деремся.

Охранники тоже закричали:

— Все в порядке, расходимся, продолжаем следить за гонкой!

Шэнь Ланьтин потер щеку, к которой прикасался Цзиньчэнь, в его глазах мелькнула злоба. Он холодно бросил:

— Мерзавец.

Сказав это, он подошел к Сюй Тэнхаю, забрал сына и, широким шагом покинув трассу, вскоре скрылся из виду.

Лишь спустя некоторое время внимание зрителей вернулось к гонке.

Мэн Цзиньчэнь оттолкнул сотрудника, который пытался ему помочь, взял у кого-то салфетку и, вытирая кровь, побрел следом за Шэнь Ланьтином.

Сюй Тэнхай застыл на месте, собираясь последовать за ними, но Юань Чи перехватил его.

— Ты куда собрался? — нахмурился Юань Чи.

Сюй Тэнхай вытаращил глаза:

— Посмотреть! А вдруг они снова подерутся?

— Не подерутся. Раз Бэньбэнь рядом, Ланьтин будет осторожен, — Юань Чи вздохнул. — Скоро наш заезд, готовься. Это их дела, пусть сами разбираются, не лезь на рожон.

— Сам ты дурак! — обиделся Сюй Тэнхай и толкнул его локтем.

Юань Чи перехватило дыхание, он схватился за грудь:

— Да-да, я дурак...

Этот толстяк был силен, удар пришелся в точку.

Сюй Тэнхай перестал драться и переключился на ворчание:

— А ведь говорили когда-то: лучше быть братьями на всю жизнь, чем лезть в одну постель. И что теперь? Как после расставания оставаться друзьями? Ты видел рожу Мэн Цзиньчэня? Как Ланьтин может его простить? Проиграл заезд и полез целоваться, ну и наглец же он.

— Не надо тут задним умом рассуждать, — фыркнул Юань Чи. — А кто тогда обеими руками «за» был? Кто кричал, что братья — лучшие любовники? Это ведь из твоих уст звучало, жирный ты придурок. Сейчас-то что толку болтать?

Когда-то Юань Чи был первым противником их романа, боясь именно такого финала. Но этим господам было плевать. Мэн Цзиньчэнь, влюбленный по уши, еще и считал его соперником, подозревая, что он положил глаз на Ланьтина. Тогда Юань Чи так разозлился, что заорал на всю округу: «Да я по женщинам фанатею!», лишь бы сбросить с себя эти подозрения.

— Кто ж теперь старое вспомнит...

Сюй Тэнхай понял, что неправ, и перестал спорить. Он раздраженно почесал голову:

— Цзиньчэнь в этот раз из кожи вон лезет, чтобы вернуть Ланьтина. Нос разбит, а он даже глазом не моргнул. Суперкары стоимостью в десятки миллионов дарит, как конфеты. Жаль только, Ланьтину деньги не нужны, у него и так все есть. Все эти методы бесполезны, не понимаю, что у него в голове творится.

Юань Чи скривил губы:

— Видимо, Шэнь Ланьтин окончательно выбил из него все мозги.

<http://bllate.org/book/21418/2187212>